

ния и подражания. Мне думается, что в условиях СССР эта система представляет особый интерес.

Действительно, даже в Западной Европе, где труд для пролетария является проклятием, а идеал буржуазии достигнуть такого состояния, когда можно жить на проценты от капитала и ничего не делать, находятся ученые типа Rollier, которые начинают сознавать не только экономическое, но и биологическое значение труда. Естественно, что у нас в Союзе, где труд является радостным, где только тот себя чувствует полноценным членом общества, кто участвует своим трудом в активном строительстве нового социалистического общества—пробретает большое значение вопрос о том, нельзя ли организовать рационально труд тех, которые вынужденно оторваны от него на продолжительный срок, благодаря хроническому заболеванию.

В буржуазных странах проблема правильного, рационального использования труда хронических больных или только частично работоспособных наталкивается на невероятные трудности. При многомиллионной армии безработных—организовать сбыт изделий, произведенных больными, очень трудно. Да и сама организация мастерских наталкивается на большие трудности. Ведь, конечно, ни один капиталист не станет вкладывать свои капиталы в такие мастерские, а государственный бюджет большинства капиталистических стран в таком состоянии, что даже существующие лечебные учреждения частично сокращаются или порою закрываются. Другое дело в нашем Союзе. Многообразие и грандиозность задач, поставленных для разрешения пятилетки, властно требуют, чтобы все наличные силы были максимально использованы. То, что в капиталистических странах невозможно—или реализация чего наталкивается на чрезвычайные трудности—то вполне выполнимо в Союзе. У нас не только возможно полностью использовать положительный опыт Rollier, но его значительно расширить и поставить большой важности практический вопрос организации труда хронических больных и неполноценных работников.

Альфред Гротьян.

(Некролог).

(с портретом)

В ночь на 4/IX в Берлине на 61-м году жизни неожиданно скончался от острого приступа желчной болезни профессор социальной гигиены Берлинского университета Альфред Гротьян. Это был единственный ординарный профессор по данной молодой научной дисциплине в Германии и Западной Европе, его имя пользовалось широкой известностью и в Германии он считался основоположником этой новой и молодой научной дисциплины. Его популярность была особенно велика после выпущенного им руководства «Социальная патология», которое пользовалось широким распространением и у нас в Союзе.

Гротьян родился 25/XI 1869 г. в городе Schladen (Гарц). Он происходил из старинной врачебной семьи (отец и дед его были врачами). С гимназической поры Гротьян начинает, под влиянием Alfred'a Südekum'a, увлекаться социальными и экономическими науками; он проходил их в дальнейшем у Tönnis'a в Киле, у Roscher'a в Лейпциге и у Schmoller'a в Берлине; особенно сильно было влияние последнего. Однако, своей профессией Гротьян избирает—врачебную. Но уклон его к социально-экономическим наукам, а видимо и его деятельность, как врача среди Берлинской бедноты, толкают его на мысль приложить методы социально-экономических наук к медицине и здравоохранению. Первой его работой в этом направлении была работа об алкоголизме; под алкоголизмом он подводит базу не только биологическую, но и социальную; эта работа появляется в печати в 1898 г. в «Socialwissenschaftlichen Bibliothek».

Уже будучи врачом бедноты и рабочих, он вновь работает в семинарии Schmoller'a, и за это время появляется ряд его статей, посвященных социальной гигиене и печатающихся в журналах «Medizinische Reform» и «Archiv für soziale Hygiene»—журнале им же созданном и являющемся наиболее популярным и широко распространенным журналом по социальной гигиене.

В 1902 г. Гротьян выпускает из печати работу, посвященную народному питанию, под заглавием «Über Wandlungen in der Volksernährung», которую правильнее было бы назвать «Soziologie der Ernährung» («Социология питания»), в которой он пытается анализировать проблему питания в классовом разрезе. Надо сказать, что в этом вопросе он был особенно вооружен, к этому вопросу он относился с особенным вниманием в своих лекциях студентам и врачам, на этом вопросе он особенно заострял внимание своих слушателей в 1930—31 г., когда вопрос народного питания сделался особенно острым в связи с развернувшимся кризисом в Германии. Из сообщения доцента С. М. Шварца (см. «Каз. мед. журн.», № 8), слушавшего курс Гротьяна зимою этого года, мы знаем, как углубленно подходил к вопросу питания в своих лекциях Гротьян; из этого же сообщения мы знаем, что Гротьян не умолчал и того факта, что в области народного питания новое слово и новую политику вносит Советский союз в виде «планового» питания в классовом разрезе. Эту систему питания он рисовал, как «систему будущего», если, по его мнению, этот «опыт» удастся.

1-го марта 1904 г. Гротьян в «Обществе здравоохранения» («Deutsche Gesellschaft für öffentliche Gesundheitspflege»), одним из учредителей коего он был, делает доклад на тему «Социальная гигиена, как научная дисциплина». В этом докладе Гротьян выделяет социальную гигиену, как особую специфическую научную дисциплину, и четко дифференцирует ее от общей экспериментальной гигиены или, как он ее называет, «биологической» гигиены; в этом докладе Гротьян тесно увязывает социальную гигиену с социологией, экономикой, с социальной политикой и в этом разрезе устанавливает специфичность методики социальной гигиены. В Германии эта речь и доклад Гротьяна считается «исторической» в развитии социальной гигиены, ибо этой речью Гротьяна, как утверждает один из его биографов, был положен «основной камень» (Grundstein) в развитии социальной гигиены, как особой научной дисциплины. Впоследствии эта речь была отражена Гротьяном в предисловии к 3-тому изданию по социальной гигиене, выпущенному из печати совместно с Kriegerem.



Альфред Гротьян.

В 1908 г. Гротьян выпускает труд под заглавием «Krankenhaus und Heilstättenbewegung im Lichte der sozialen Hygiene», в котором он подвергает суровой критике систему борьбы с туберкулезом.

Признание свое, как социал-гигиенист, Гротьян получает в 1912 г. после появления его книги «Soziale Pathologie» («Социальная патология»): она суммировала материал по социальной патологии и подвергала его углубленному анализу под углом зрения влияния социально-экономических факторов. Книга эта получила широкую известность и распространение и вне Германии и, переведенная в 1927 г. на русский язык, приобрела широкую популярность, как руководство по социальной гигиене. На академическую арену его выдвигает известный гигиенист-эксперименталист Karl Flügge, и в 1920 г. Гротьян получает звание ординарного профессора по социальной гигиене при Берлинском университете. Это была крупная победа: социальная гигиена, как таковая, впервые завоевывает свое особое положение в цикле академических дисциплин, она получает свою кафедру, и эта кафедра получает своего первого «ординарного» профессора и таковым единственным ординарным профессором Гротьян оставался в Германии и Зап. Европе до своей смерти. Это было торжество Гротьяна, но вызвало и его неудовлетворенность: в личной беседе с нами в 1928 г. он, расценивая положение социальной гигиены в Германии, не без иронии говорил о своем звании «ординариуса»; он признавал, что это его личное большое достижение, но выражал сомнение, удалось ли ему завоевать положение «ординариуса» по социальной гигиене в об-

щей системе медицинского образования в Германии; он не был уверен в том, что звание и положение «ординариуса» по социальной гигиене останется после его смерти: настолько непрочным и незавидным он считал положение социальной гигиены в Германии; и тут же он признавал, что единственной страной, где социальная гигиена имеет свое прочное и завидное будущее—это Советская страна, Советский союз.

За период 1921—1924 г. Гротьян является депутатом рейхстага, избранный по списку социал-демократической партии, к каковой он принадлежал. В это время он проявляет много энергии и принимает активное участие в вопросах санитарного законодательства, в частности фиксируя особое внимание на вопросах оздоровления детства и юношества. Но здесь его постигает неудача: в связи с знаменитым параграфом 218 основного законодательства Германии (запрещающим производство аборт) — он не занял твердой позиции в данном вопросе, оказался в числе вотировавших этот параграф, хотя и с оговорками; на это почве у него получается расхождение с партией — и его парламентская деятельность прерывается. Но Гротьян тем усиленное фиксирует свое научное внимание на вопросах оздоровления детства и юношества. Вскоре появляется его труд «Der Geburtenrückgang und seine Bekämpfung durch die Elternschaftversicherung» («Снижение рождаемости и борьба с ней путем «страхования родительств»); в 1926 г. эта работа выходит уже третьим изданием под заглавием «Die Hygiene der menschlichen Fortpflanzung» («Гигиена человеческого размножения»). В 1928 г. Гротьян в сотрудничестве с F. Goldman'ом выпускает работу «Die Leistungen der deutschen Krankenversicherung» («К вопросу страхования болезней»). В 1929 г. опять в сотрудничестве с известным педологом G. Junge он выпускает труд «Massvolle Schulreform» («Коренная школьная реформа»), вновь направленный к оздоровлению детства. Наконец, предсмертным его трудом является его небольшая брошюра, посвященная тому же знаменитому § 218 (об абортах), написанная им по своеобразному поводу и материалу: в один прекрасный день (уже в 1931 г.) он получает по почте большой пакет, в котором заключается картотека (556 карт-историй болезней), собранная врачом небольшого провинциального города (25.000 жителей) Германии, который по завещанию после своей смерти поручил отправить ее проф. Гротьяну. Разработке этого материала и посвящена брошюра Гротьяна; данный материал Гротьян делает предметом специального семинария для врачей и студентов. В ней он вновь возвращается к § 218-му. Здесь он уже более сурово относится к этому § у; по существу вопроса об абортах он остается половинчатым, но тут же, между прочим, отмечает, что наиболее правильное и радикальное разрешение вопроса об абортах найдено в Советском союзе.

Так, в основных научно-общественных этапах протекала жизнь *первого ординарного профессора по социальной гигиене в Германии и Зап. Европе*. Смерть его прошла в Берлине мало заметной. Мы покинули Берлин 15/X. До нашего отъезда и медицинская, и общая печать слабо отметили эту смерть: в общей прессе мы наткнулись лишь на небольшую теплый некролог, написанный известным врачом Германии Rudolf Lennhoff'ом в «Vossische Zeitung» (5/IX). Похороны Гротьяна (кремация), по воле покойного, прошли необычайно скромно.

Как можно и нужно оценивать жизнь, труды и научно-общественное значение Гротьяна в отношении социальной гигиены, как новой и молодой научной дисциплины?

Надо признать, что на Гротьяна пала почетная миссия: сделаться официальным академическим представителем научной кафедры социальной гигиены в Германии и Зап. Европе. Почва для новой молодой научной дисциплины была уже подготовлена исторически; рост капитализма, а в связи с этим рост пролетариата, борьба последнего за улучшение своего положения, за повышение жизненного уровня, за охрану своего здоровья — вынуждали уже и капиталистическую систему предпринимать что-либо в этом отношении; наука, в свою очередь, завоевывала все более сильные позиции к охране трудящихся; ряд крупнейших ученых, и прежде всего той же Германии, уже выявили теснейшую связь и зависимость социального здоровья и социально-экономических условий. — Война и революция, обескровившая пролетариат и широкие трудящиеся массы, — в то же время дали этим массам силу твердо и угрожающе потребовать от капитализма улучшения своего положения прежде всего — здоровья; наука — даже капиталистическая — уже была подготовлена чтобы ответить на этот запрос; под этим повелительным требованием р-

бочих и трудящихся социальная гигиена, как научная дисциплина, должна была появиться на арене и капиталистических стран. Она и появилась—прежде всего в Германии в 1920 г. И на долю Гротьяна пала честь занять эту первую кафедру в Зап. Европе. Из его биографии видно, что он обладал рядом предпосылок чтобы занять эту кафедру. Широкая социально-экономическая подготовка, метод социально-экономического мышления, живое соприкосновение с трудящейся массой и бедной—были этими основными предпосылками. Ряд его ценных трудов по социальной гигиене дали ему также право на занятие первой в Европе кафедры по социальной гигиене.

Но жизнь шла значительно впереди Гротьяна; принадлежность его к немецкой социал-демократической партии, притом к правому ее крылу, буржуазный и узко-националистический оппортунизм не дали Гротьяну возможности встать в уровень с запросами жизни. Мы видим это по его отношению к знаменитому § 218-му, к вопросам «гигиены человеческого размножения», к разрешению вопросов народного питания и пр. Там, где он выступал как социал-гигиенист и социальный политик, там он оказался ниже истинных задач своей научной дисциплины и ниже запросов современной жизни и ее революционных требований. Он был для этого слишком половинчатый соглашатель и приспособленец. В виду этого и его определение понятий социальной гигиены, как научной дисциплины, приемлемое в Западной Европе и Америке, не соответствует нашим советским революционным запросам и установкам: оно слишком формально - академично, оно не выявляет истинных задач социальной гигиены—особенно в социалистическом разрезе; поэтому и его популярная «Социальная патология», которой до сих пор широко пользовалась наша советская медицинская молодежь, ныне не может ее удовлетворять, несмотря на богатство фактического материала в ней собранного.

В Германии Гротьян не пользовался большой популярностью: может быть твердая независимость и самостоятельность характера служили тому причиной. Один из его посмертных биографов говорит, что Гротьян «всегда имел *Mut* *gehabt in seinen Veröffentlichungen unpopulär zu sein*» (Grotjahn hat immer den Mut gehabt in seinen Veröffentlichungen unpopulär zu sein). Но он был популярен среди своих слушателей и особенно коммунальных врачей, которых он сумел сконцентрировать и организовать вокруг себя.

Со смертью Гротьяна Германия и Зап. Европа потеряли своего первого и единственного профессора по социальной гигиене. В этом крупное общественное и социальное значение факта его смерти. Явится ли кто-либо ему на смену—неизвестно. Сам Гротьян отвечал на этот вопрос скептически и с сомнением. Ответит на этот вопрос жизнь Германии в ее сложной политической и социально-экономической ситуации.

Проф. М. Гран.

Библиография и рецензии.

А. Пине́й. „Последние достижения гематологии“. Гос. Изд. 1931 г. 3 р. 75 к.

Большинству из нас мало доступна английская литература. Поэтому нужно приветствовать желание Госиздата познакомить читателя с книгой Пинея, с его материалом и мыслями, с его ссылками на литературу, в значительной мере английскую. Пине́й не задается целью дать руководство по гематологии, в котором—хотя бы кратко—было отражено все существенное. Его цель познакомить читателя с некоторыми главами и вопросами гематологии, видимо более интересовавшими самого автора. Отсюда большая неравномерность освещения и пестрота материала. Сравнительно подробно Пине́й останавливается на следующих вопросах: 1) развитие клеток крови, 2) лейкемии—лейкозы. Пине́й все формы лейкозов считает новообразованиями. Обоснование автором такого понимания мне кажется мало убедительным; в частности, сопоставление лейкемических изменений с изменениями при метастазах злокачественных новообразований в костный мозг мне кажется основанным на сходстве чисто внешнем и поверхностном (я не имею в руках других работ Пинея, где вопросы освещены подробнее). Пине́й понимает свое толкование, как рабочую гипотезу. 3) Пернициозная анемия. По авто-